

С. В. Кожин

КОМПЛЕКТОВАНИЕ ДОКУМЕНТАЛЬНОГО ФОНДА ЦЕНТРАЛЬНОГО МУЗЕЯ ВООРУЖЕННЫХ СИЛ СССР МАТЕРИАЛАМИ ПО ИСТОРИИ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

Значение сохранения и изучения памятников боевой славы нашего народа (в том числе письменных) хорошо понимал В. В. Маяковский. В статье «Собирайте историю», опубликованной в «Бюллетене Прессбюро» Агитпропа ЦК РКП(б) 3 марта 1923 г., сожалея о плохой сохранности плакатного архива РОСТА, он писал: «...день за днем можно было в стихах и карикатурах проследить всю историю революции... То, что дошло от этой работы, даже корявое и безграмотное (какие-нибудь солдатские частушки), во много раз интереснее любой напыщенной беллетристики литературных белоручек, пишущих о революции в своих не подлежащих уплотнению кабинетах»¹. Сказанное в определенной мере можно отнести и к памятникам других эпох, в том числе периода Великой Отечественной войны.

В нашей стране многие организации занимаются сбором и хранением письменных источников по истории войны. Одним из хранилищ является документальный фонд Центрального музея Вооруженных Сил СССР (ЦМВС), в котором около 30 тыс. дел такого рода документов. Чтобы показать особенности и значение фонда, необходимо проследить его комплектование. Данные об этом содержатся в книгах поступлений сектора государственного учета музея, сохранившихся полностью с января 1942 г. Они дают сведения о принятии всех музейных памятников с указанием, кто, когда и где их собрал. Однако бессистемность большого количества фактов затрудняет изучение основных направлений собирательской работы. Поэтому автор привлёк документы музейного архива. Правда, дел, относящихся к периоду войны, немного, но зато сохранились наиболее важные — планы и отчеты о работе музея. Они содержат сведения о направлениях собирательской работы, а также итоговые данные о сборе тех или иных видов документов. Для изучения путей формирования фонда привлечены также годовые отчеты главных хранителей за послевоенный период.

В крупные архивохранилища типа ЦАМО или ЦГАОР передаются комплексы документов централизованно и систематически. В ЦМВС сбор документов не имел подобной системы и организации, а, напротив, зачастую был случаен и подчинен в первую очередь требованиям экспозиции. В годы войны комплектование фонда шло следующими путями: а) специальные командировки на фронт, а также в освобожденные от фашистов районы, б) передача материалов отделами и управлениями Главного политического управления Красной Армии (ГлавПУ), в) получение документов в центральных партийных и военных учреждениях, г) помощь фронтам в организации выставок о боевом пути войск фронта с последующим получением экспонатов выставок в фонды музея, д) передача реликвий представителями частей, а также отдельными участниками войны или членами их семей².

Первые поступления письменных источников зафиксированы в музее в апреле 1942 г., хотя собирательская работа велась с начала этого года.

¹ Маяковский В. В. Полн. собр. соч. В 13 т. М., 1959. Т. 12. С. 36–37.

² Архив ЦМВС. Отчет о работе ЦМКА за 1944–1945 гг. Л. 30–31.

В первый период войны сбор проводился в основном в центральных партийных и военных организациях: ГлавПУ, МГК и МК ВКП(б), ЦК ВЛКСМ, штабе Московского военного округа, наградном отделе Наркомата обороны, в редакциях газет. Передавали также документы представители воинских частей, поскольку фронт располагался вблизи столицы.

В первый период войны собирали в основном вещественные памятники. Судя по плану работ, сбор материала в это время был зачастую подчинен задачам текущего дня — созданию и пополнению выставки «Разгром немецко-фашистских захватчиков под Москвой»³. Большая часть выставки состояла из трофеев — свидетельств поражений фашистов и мощи ударов Красной Армии. Собранные документы также в значительной степени представляли собой трофейный материал (военно-оперативные карты и схемы). Одной из основных задач музея в этот период было воспитание у советских людей ненависти к врагу. Поэтому собиралось и экспонировалось большое количество объявлений и приказов фашистской администрации для населения оккупированных районов, а также актов злодеяний противника. Акты составлялись в районах, освобожденных от фашистов к весне 1942 г., и получались сотрудниками музея в различных центральных учреждениях. Преобладали листовки, боевые листки, письма-обращения воинов и тружеников тыла.

Основной формой сбора материалов в годы войны стали выезды в войска, прифронтовые районы или на территории, освобожденные от противника. Они начали практиковаться с зимы 1942 г. сначала лишь в войсках Западного фронта. Географический диапазон экспедиций расширился после Сталинградской битвы. Особенно увеличилось число выездов к лету 1944 г. В командировках участвовали офицеры и реже научные сотрудники. Зимой 1943 г. музейная группа выезжала в район Сталинграда сразу после ликвидации окруженной группировки, в сентябре 1943 г. — в войска, принимавшие участие в боях на Курской дуге. В 1943—1945 гг. были выезды на Брянский фронт, 2-й Белорусский, Воронежский, Ленинградский, 1-й Украинский, 1-й Прибалтийский, 3-й Украинский, 1-й Белорусский. Наряду с вещественными памятниками теперь привозили и большое количество документов; при этом предпочтение отдавалось материалу, в той или иной степени соответствующему требованиям музейной экспозиции, что наложило отпечаток на весь документальный фонд. В годы войны почти не отложились дневники, поступило сравнительно немного писем и воспоминаний. Во время выездов в войска собирались военно-оперативные документы (схемы, карты, боевые донесения и приказы, отчеты, материалы об обороне противника и т. д.), а также документы политорганов (листовки, боевые листки, заявления о приеме в партию и комсомол, комсомольские билеты со справками, клятвы воинов, боевые характеристики и т. д.). Было привезено и большое количество научно-исторических документов (справок о боевом пути частей, отчетов о их участии в операциях и сражениях и т. п.).

Периодически проводились специальные командировки за материалами партизанского движения и подполья, из всех собранных памятников большинством составляли документы. С конца 1943 г. в связи с освобождением от фашистов значительной части захваченных территорий комплектование фонда партизанского движения резко активизировалось. В 1943—1944 гг. состоялись командировки в Калининский штаб партизанского движения, Крымский, Гомельский, в штаб Западного сектора. Были получены военно-оперативные документы (приказы, донесения, карты), листовки, политдонесения, боевые характеристики на партизан, справки о боевой деятельности тех или иных отрядов или бригад, стихотворения, дневники.

Важным источником поступления документов были отделы и управления ГлавПУ. В течение всей войны периодически передавали в музей

³ Там же. Отчет о работе ЦМКА за 1942 г. Л. 1—22.

крупные партии материалов политорганов, особенно листовок. С 1944 г. в музей передавались из действующей армии экспонаты выставок, отражающих боевой путь того или иного фронта. Из этих материалов в документальном фонде отложилась коллекция комсомольских билетов с сопроводительными справками. В конце войны в музей стали поступать документы от участников боев или членов их семей, что в 1942—1944 гг. было редким явлением. В основном это реликвии, связанные с именами известных героев: З. А. Космодемьянской, Н. Ф. Ватутина и др.

Книги поступлений показывают, что после войны примерно по 1947 г. система сбора материалов в принципе изменилась мало, так же как и номенклатура поступающих документов. Продолжались командировки в войска на территории Германии, Австрии, Венгрии по сбору материалов периода войны. Осенью 1945 г., а также в 1946—1947 гг. проведены три командировки в войска, принимавшие участие в разгроме милитаристской Японии. Однако постепенно увеличивалось количество выездов в различные области СССР, во время которых основными источниками поступлений были архивы обкомов партии и комсомола, а также историко-краеведческие и военно-исторические музеи. Например, во втором полугодии 1945 г. проведено 24 экспедиции, из них 11 в войска и 13 в различные районы, связанные с историей войны: Орел, Курск, Ленинград, Волоколамск, и т. д.⁴ В мае 1945 г. в Казахстане и Киргизии собраны документы о Панфиловской дивизии (газеты, листовки, воспоминания). Летом 1946 г. в Сталинграде получены справки и стенограммы воспоминаний — интервью бойцов МПВО, а также милиции города периода битвы на Волге. В марте 1947 г. в Музее обороны Одессы получены стенограммы воспоминаний — интервью защитников города.

Продолжал комплектоваться и фонд партизанского движения, но теперь основными источниками поступлений стали архивы обкомов ВКП(б) и различные музеи. Документы были получены в Крымском, Ленинградском, Калининском, Брянском, Тульском, Калужском обкомах, а также в Петрозаводском, Киевском, Орловском, Минском историко-краеведческих и военно-исторических музеях.

Одна командировка была специально посвящена подвигу героев тыла (сентябрь 1947 г., Свердловск — Нижний Тагил). Из документальных материалов привезены в основном приветственные письма фронтовиков труженикам тыла, а также заводские газеты.

Постепенно стала увеличиваться доля материалов, полученных от отдельных граждан, хотя по-прежнему в основном от семей известных героев войны — Д. М. Карбышева, Н. Э. Берзарина. Как правило, передавались грамоты, дипломы, мандаты и т. п. В 1946 г. И. Г. Эренбург передал музею свыше 100 экз. газет и журналов, выпускавшихся фашистами во время оккупации Одессы, в мае 1949 г. — три тома писем воинов Красной Армии, присланных ему в связи с опубликованием статей «Ответ леди Гибб» и «Говорят судьбы» в газете «Красная звезда» от 15 октября и 3 ноября 1944 г.

С 1948 г. наблюдаются заметные изменения в системе сбора. Доля документов, полученных в войсках, архивах обкомов партии, музеях, значительно уменьшилась, и увеличилось количество документов, полученных от участников войны или их семей. В связи с этим изменилась и структура принимаемых на хранение комплексов. Если в ходе войны преобладали материалы политорганов, военно-оперативные и научно-исторические документы, то теперь — материалы личного происхождения: письма, дневники, воспоминания, а в основном различные удостоверения, грамоты, дипломы, поздравительные послания. Их количество возросло многократно. Например, в 1949 г. от вдовы маршала бронетанковых войск Н. Я. Федоренко получено свыше 50 мандатов, пригласительных билетов, пропусков и т. д.; от матери Героя Советского Союза

⁴ Архив ЦМВС. Планы работ и отчеты ЦМКА за 1945 г. Л. 2.

Л. М. Павличенко — 48 дипломов, справок, поздравительных посланий трудящихся СССР и иностранных граждан.

Одним из основных фондообразователей оставался ГлавПУ. Оттуда периодически сдавались в музей отложившиеся в период войны или полученные из войск после нее документы: листовки, боевые листки, заявления в комсомол. В 1947 г. из ГлавПУ были направлены в музей крупные комплексы документов Управления спецпропаганды: листовки по разложению войск противника и формуляры-характеристики морально-психологического состояния войск противника.

В течение первого послевоенного десятилетия комплектование фонда, хотя и в меньшей степени, происходило и за счет архивов комитетов партии и музеев. В этот период получена значительная часть из имеющихся в ЦМВС стенограмм воспоминаний — интервью участников войны (копии документов Комиссии истории Великой Отечественной войны). Примерно с середины 50-х годов сбор материала принял в значительной степени случайный характер. И если в первое послевоенное десятилетие документы по истории войны продолжали доминировать в общем сборе, то затем на первое место по количеству вышли материалы о современной армии.

В настоящее время происходит дальнейшее сокращение числа поступающих в музей документов по истории войны, на что неоднократно указывалось в отчетах о работе фонда. Причем подавляющее большинство приобретает у ветеранов в Москве или в ходе командировок. Поэтому среди принятых на хранение документов преобладают различные удостоверения, благодарности верховного Главнокомандующего, а также грамоты, полученные ветеранами уже после войны⁵.

Итак, в истории комплектования документального фонда материалами по Великой Отечественной войне можно выделить три периода. Первый — 1942—1947 гг. Собирались документы исключительно по истории войны, в основном в штабах войск, в центральных партийных и военных учреждениях. Это определило и видовой состав основной массы материала: документы политорганов, военно-оперативные и научно-исторические. Именно в это время была заложена основа собрания документов по истории войны. Во второй период (1948—1955 гг.) фонд комплектовался, как и прежде, за счет воинских частей и различных государственных учреждений, но на первое место постепенно стали выходить материалы, полученные у ветеранов. В связи с этим изменился и состав материалов — резко возросло количество грамот, дипломов, удостоверений, а также писем, дневников и воспоминаний. В количественном отношении материалы по истории войны еще продолжали преобладать, хотя возросла доля документов по истории современных Вооруженных Сил. В ходе третьего периода (с середины 50-х годов до настоящего времени) участники войны и их семьи являлись основным источником поступления документов по истории войны, количество которых в общем сборе значительно уменьшилось по сравнению с документами о современной армии.

Всего в разделе Великой Отечественной войны документального фонда ЦМВС в настоящее время хранится около 30 000 документов, в том числе свыше 18 000 листовок (7895 — к войскам противника), 1218 боевых листков, свыше 4000 различных удостоверений и благодарственных посланий, около 2000 писем, свыше 500 военно-оперативных документов, 177 воспоминаний, около 250 научно-исторических документов и т. д. Характер отложившихся в документальном фонде материалов определен профилем ЦМВС. ЦМВС относится к группе военно-исторических музеев и является головным среди военных музеев СССР. На протяжении всего послевоенного периода основной задачей сбора материалов было отражение хода войны в целом, показ исторического значения каждого сражения, массового героизма в тылу и на фронте, работы партийно-политического

⁵ ЦМВС, сектор государственного учета. Сведения об изменении собрания документального фонда за 1980 г. Л. 2; То же за 1983 г. Л. 2.

аппарата. В этом роль музея совпадала с задачами Государственного Исторического музея⁶. Отличием, повлиявшим на характер собрания документов, на наш взгляд, была ведомственная принадлежность музея. ЦМВС до 1944 г. входил на правах отдела в состав Центрального Дома Красной Армии, а затем стал непосредственно подчиняться Главному политическому управлению Красной Армии. Все руководящие должности занимали и занимают офицеры-политработники. В своей практической деятельности музей руководствуется решениями ГлавПУ. Все это во многом определило тот факт, что сбор материалов и особенно документов в значительной степени ориентирован на отражение партийно-политической работы в войсках, авангардной роли коммунистов и комсомольцев, героизма воинов. В этом направленность сбора совпадала с принципами комплектования Музея революции⁷. Разница заключалась в роли ЦМВС как центрального военного музея.

Комплектование документального фонда ЦМВС, так же как и большинства других музеев, велось прежде всего в интересах экспозиции; отсюда определенная ограниченность использования его в научных исследованиях. Однако ЦМВС стал хранилищем, в которое периодически передавались из ГлавПУ как отдельные материалы, так и крупные, цельные комплексы документов, особенно материалы спецпропаганды, и в этом заключается важнейшая особенность его документального фонда.

Среди документов спецпропаганды выделяется комплекс формуляров-характеристик морально-психологического состояния войск противника. Они заводились в годы войны седьмыми отделами политорганов Красной Армии на каждую противостоящую вражескую дивизию. При исследовании опыта политической борьбы, которую В. И. Ленин вел против врагов революции, обнаруживаем очень важную черту ленинской полемики: она велась со знанием и широким использованием документов, отражающих взгляды противника. Вождь пролетариата писал: «Ничто не помогает в такой степени уяснению политической сущности явлений, как оценка их противником (конечно, если эти противники не безнадежно глупые люди)»⁸. Не раз В. И. Ленин отмечал, что вынужденные признания врага могут порой оказать важную услугу борющемуся пролетариату⁹. Во время вспышки мелкобуржуазной контрреволюции в Советской России В. И. Ленин говорил на Всероссийском съезде транспортных рабочих: «Вы в последние дни, конечно, обратили внимание на обилие в газетах цитат, выписок из белогвардейской прессы с разъяснениями событий в Кронштадте ... Почему наши газеты уделили этому так много внимания? Правильно ли это? Правильно. Потому, что надо ясно знать своего врага»¹⁰.

В советской историографии пока еще незначительно исследовались источники, характеризующие состояние войск противника в годы Великой Отечественной войны, а между тем изучение истории войны невозможно без детального рассмотрения документов, в которых отражено состояние не только Советских Вооруженных Сил, но и сил противника.

История создания формуляров такова. В 1940 г. в составе Главного управления политической пропаганды РККА, позднее Главного политического управления РККА, был создан седьмой отдел по работе среди войск противника. Одновременно седьмые отделы создавались в политуправлениях пограничных округов, а в штатах политотделов армий вводились седьмые отделения, в политотделах стрелковых дивизий — старшие инструкторы по работе среди войск противника. В августе 1944 г. седь-

⁶ *Закс А. Б.* Опыт собрания материалов по истории Великой Отечественной войны Государственным Историческим музеем в 1941–1944 гг. // АЕ за 1975 год. М., 1976.

⁷ *Кучеренко М.* Формирование музейного собрания: Из опыта работы Центрального музея революции СССР // Советский музей. 1985. № 3. *Луцало И. Г.* По следам войны: (Собирание материалов) // АЕ за 1975 год.

⁸ *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 12. С. 117.

⁹ Там же. Т. 24. С. 355.

¹⁰ Там же. Т. 43. С. 139.

мой отдел ГлавПУ был преобразован в управление спецпропаганды; седьмые отделы и отделения стали называться отделами и отделениями спецпропаганды, а их сотрудники — спецпропагандистами. В ходе войны эти органы осуществляли мероприятия по разложению войск фашистской Германии и ее союзников. Важнейшей составной частью этой работы и стало ведение формуляров морально-психологического состояния войск противника. Необходимость создания формуляров была вызвана тем, что в сложной военно-политической обстановке 1941 г. советские органы пропаганды далеко не всегда находили убедительные и доходчивые аргументы, которые заставили бы немецких солдат разобраться в фашистском обмане. И одна из главных причин такого положения — недостаточное знание врага, переоценка его слабых и недооценка сильных сторон. Генерал-майор М. И. Бурцев, возглавлявший в годы войны седьмой отдел ГлавПУ, писал: «Мы острее начали понимать, как важно знать буквально все: историю Германии, ее экономику, культуру, идеологию господствующего класса, обычаи, нравы и традиции народа, его психологический склад, особенности развития армии. Важно было знать не только армию вообще, но и те ее войска, которые действуют на том или ином направлении, то есть конкретные противостоящие части, чем эти части дышат. Для этого надо было полнее изучать трофейные документы... материалы допросов военнопленных (с применением анкетирования) и многое, многое другое»¹¹.

Специфика источника заключается в том, что в нем зафиксирован образ мыслей, настроения фашистских солдат непосредственно в годы войны, причем на разных ее этапах и разных участках фронта. Правда, показания давались в плену, что не могло не отразиться на степени их объективности. Но, с другой стороны, в плену солдаты и офицеры имели возможность сказать то, что они никогда не сказали бы на родине, не зафиксировали бы в своих письмах и дневниках. Судя по содержанию протоколов, основная масса пленных отвечала на вопросы подробно и откровенно. На этот факт указывает и член-корреспондент АН СССР Е. И. Дружинина, служившая в 1941—1942 гг. переводчицей особого отдела 4-й армии. Она пишет в своих воспоминаниях, что «ее поражало, как пленные услужливо вели себя на допросах, не отказываясь отвечать, а выкладывали все, что знали, в том числе и военные сведения»¹². В книге бывшего политработника 1-й Ударной армии В. А. Ковалевского, написанной на основе его дневника военных лет, также отмечается, что «подавляющее большинство пленных без всякого давления сразу же начинает говорить. Упорствуют — да и то только сначала — одни летчики, которых Гитлер поставил в привилегированное положение»¹³. (Речь идет о событиях начала 1942 г. — С. К.)

В ряде формуляров целиком подшиты тексты допросов пленных. Характер вопросов и ответов, примечания переводчиков показывают, что если в начале войны были отдельные случаи психологического давления со стороны спецпропагандистов, то очень быстро политработники научились создавать на допросах спокойную обстановку, располагавшую к откровенным ответам. Иначе терялся смысл большой кропотливой работы.

Формуляр представляет собой папку или типовой альбом, поделенный на разделы, в заголовках которых перечислены вопросы, требующие освещения. Многие формуляры подробно заполнены, включают до 100 с. машинописного текста, через интервал, некоторые же состоят всего из 3—4 с.

Прослеживаются два способа ведения формуляров. Основную массу составляет «тематический» тип. Протокол допроса разрезали и показания заносили (вклеивали, вписывали) в соответствующие разделы фор-

¹¹ Бурцев М. И. Прозрение. М., 1981. С. 55.

¹² Дружинина Е. И. Воспоминания военной переводчицы // В годы войны: (Статьи и очерки). М., 1985. С. 125.

¹³ Ковалевский В. А. Тетради из полевой сумки. М., 1968. С. 14.

муляра. Анализ спецпропагандиста, как правило, отсутствует, но в ряде случаев система вклеек заменена анализом с включением некоторого количества цитат. Тематические формуляры удобны при изучении каких-то определенных вопросов. В фонде ЦМВС хранятся подобные формуляры на 102 дивизии.

Второй тип можно определить как «протокольный». Представляет из себя подшивку протоколов допросов. Разделов не имеет; по мере захвата пленных в альбом подшивались протоколы допросов. Такой способ ведения затрудняет изучение какой-то определенной темы, но зато дает цельное представление о взглядах того или иного пленного. В фонде хранятся формуляры этого типа на 31 дивизию.

Формуляры четырех дивизий можно определить как смешанный тип: к тематическому формуляру подшито большое количество протоколов.

Кроме того, формуляры 78 дивизий представляют из себя одну-две «справки-характеристики морально-психологического состояния дивизии» (назывались также «справка-формуляр»). Составлялись по запросам командования или вышестоящих политорганов перед проведением крупных операций. Справки включают основные разделы тематического формуляра, но содержат сведения на конкретный период войны.

Иногда в один альбом сведено три—шесть справок, составленных на дивизию через некоторые промежутки времени на одном или нескольких фронтах. При этом сохранялась определенная преемственность сведений, особенно о боевом пути и командном составе. Остальные разделы заполнялись на основе показаний пленных, взятых за срок, прошедший со времени написания предыдущей справки. Подобные альбомы, по существу, не отличаются от тематических формуляров и при подсчете учитывались автором вместе с ними. В то же время некоторые тематические формуляры велись очень небольшой промежуток времени, содержат мало данных, являются, по существу, справками и при подсчете учитывались автором работы как справки.

Первые формуляры были заведены в апреле 1942 г. Однако некоторые из них содержат сведения еще с начала войны. Это либо подшитые протоколы допросов, проведенных в 1941 — начале 1942 г., либо выдержки из протоколов, либо данные разведывательных органов. Если не считать историю боевого пути соединения, которая представлена в большинстве формуляров с начала войны, то данные с июня по сентябрь 1941 г. имеются лишь в трех формулярах. Подробно освещен в формулярах период войны с октября 1941 г. по июнь 1944 г. Сведения июля—августа 1944 г. содержат формуляры девяти дивизий, сентября—ноября 1944 г. — трех. Период декабря 1944 — мая 1945 г. отражен лишь в формуляре, который вели политработники 1-й гвардейской армии (подшивка 520 протоколов сентября 1944 — мая 1945 г. без группировки по дивизиям).

Судя по формулярам, хранящимся в документальном фонде, с июля 1944 г. их значение резко упало, а в сентябре работа практически больше не велась. Объяснить это можно рядом причин. В 1944 г. время фронтовой жизни вражеских дивизий значительно сократилось. Десятки соединений были полностью разгромлены. Приближался крах фашистской Германии. Возросла роль Национального комитета «Свободная Германия», а задачи и объем работы седьмых отделов приобрели иные масштабы — к антифашистской работе были привлечены тысячи военнопленных. Кроме того, близился час освобождения стран Восточной и Юго-Восточной Европы, что требовало увеличения усилий по ведению пропаганды среди их населения и армий¹⁴.

При работе с формулярами следует учитывать, что даты, проставленные на обложке, часто не соответствуют времени ведения формуляра, так как в него заносились показания, полученные ранее. Кроме того.

¹⁴ Бурцев М. И. Указ. соч. С. 250–251.

подшивались справки или новые формуляры, а на обложке это не фиксировалось.

Из хранящихся в фонде на Калининском фронте (с октября 1943 г. — 1-м Прибалтийском) велись формуляры 45 дивизий, Южном и Закавказском — 31, Волховском — 29; Юго-Западном (3-м Украинском) — 25, Северо-Кавказском — 20, Центральном (1-м Белорусском) — 19, Западном — 19, Северо-Западном — 10, Брянском — 8, Ленинградском — 5, Воронежском — 4. На двух фронтах велись последовательно формуляры 37 дивизий, на трех — 4. Передавались формуляры, как правило, с соседних фронтов.

Система делопроизводства при ведении формуляров была довольно сложная. Атрибуция документов — штампы, входящие цифры, подписи, содержание сопроводительных записок, а также воспоминания военных переводчиков — позволяет проследить систему формирования данного комплекса. Основой для ведения формуляров служили протоколы допросов пленных, данные разведывательных органов (разведсводки), переводы трофейных документов (служебных и личных). Пленных захватывали разведорганы или обычные части и вначале допрашивали в разведотделе¹⁵. Затем к допросу приступали спецпропагандисты. После этого представлявших наибольший интерес пленные передавали в высшестоящий разведотдел, где их могли допросить и офицеры соответствующего, седьмого отдела. Но часто спецпропагандисты передавали лишь протоколы допросов. Это могло быть вызвано тем, что в отличие от разведорганов, где по мере продвижения пленными вверх вопросы приобретали более масштабный характер, спецпропагандисты всех уровней вели допрос по стандартному вопроснику. Из разведотделов поступали также и документы: разведсводки, трофейные письма, дневники, служебные материалы.

Формуляры велись в седьмых отделах политуправлений фронтов и реже в седьмых отделениях политотделов армий. Некоторые тематические формуляры периодически через ГлавПУ передавали с фронта на фронт. Перед сдачей в ГлавПУ их обычно перепечатывали в нескольких экземплярах. На новом фронте формуляры иногда не продолжали, а заводили новые. Справки составляли в политорганах различных уровней, копии пересылали в выше- и нижестоящие инстанции (армия — фронт — ГлавПУ, фронт — армия и т. д.). В ходе войны или сразу после нее собрало ГлавПУ и передало в ЦМВС справки и формуляры. Документы при этом не были приведены в стройную систему. В ряде случаев документы одной дивизии не сведены в единый альбом и хранятся в разных папках под разными номерами. В музее хранятся 215 альбомов на 171 соединение, причем многие альбомы содержат по несколько формуляров и справок — свыше 400. Многие из этих 400 формуляров последовательно составлялись в политорганах одного или различных фронтов на одну и ту же дивизию. Подсчет показал, что комплекс включает формуляры на 159 соединений немецко-фашистской армии и 12 соединений армий союзниц Германии — всего 171 соединение.

Все ли формуляры были переданы в ЦМВС? Это можно выяснить, зная, какой процент соединений немецко-фашистской армии охвачен формулярами, представленными в фонде, учитывая только те дивизии, которые воевали против СССР с января 1942 по август 1944 г., когда велось подавляющее большинство формуляров. Подсчет показывает, что за указанный период на советско-германском фронте воевали 233 соединения немецко-фашистской армии, в том числе: пехотных 154, танковых 24, мотопехотных 10, горнопехотных 7, легкопехотных (егерских) 7, парашютных 1, авиационных 15, инациональных 1, СС 14¹⁶. В итоговую цифру не вошли 22 воевавшие на советско-германском фронте народно-

¹⁵ Левин И. И. Записки военного переводчика. 2-е изд., доп. М., 1986. С. 127.

¹⁶ Подсчитано по: Мюллер-Гиллебранд В. Сухопутная армия Германии 1933—1945 гг. М., 1976. Т. 3. С. 362—410.

гренадерские дивизии, так как они стали формироваться лишь в июле 1944 г., а в основном с августа 1944 г., т. е. когда формуляры уже практически не пополняли и не заводили. К тому же 10 дивизий из 22 были сформированы на базе разгромленных пехотных и получили их номера. В список не вошли крепостные дивизии, стационарные, учебно-полевые, запасные, резервные, так как они в 1941–1944 гг. не принимали участия в боевых действиях против СССР, а также 14 охранных дивизий, так как они не сражались на фронте. Кроме того, необходимо иметь в виду, что фактическое количество дивизий было несколько большим, так как вместо разгромленных формировались новые под теми же номерами (правда, это имело место лишь с дивизиями, уничтоженными в Сталинграде, причем на советско-германском фронте впоследствии воевали лишь девять из них). Не следует также отождествлять количество дивизий, воевавших на советско-германском фронте (233), с количеством разгромленных дивизий (607), так как многие дивизии по нескольку раз подвергались разгрому и меняли свой состав. Кроме того, автор не учитывал дивизии, воевавшие только в 1941 г. и после августа 1944 г., а также соединения союзников Германии.

Итак, взяв за основу цифру 233, мы можем установить, что в фонде хранятся формуляры на 68% соединений немецко-фашистской армии, воевавших на советско-германском фронте с января 1942 по август 1944 г. По родам войск соотношение следующее: пехотных — 120 из 154 (78%), танковых — 16 из 24 (67%), мотопехотных — 4 из 10, горнопехотных — 4 из 7, легкопехотных (егерских) — 3 из 7, авиационных — 6 из 15, парашютных — 1 (1), инациональных — 1 (1), СС — 4 из 14. Таким образом, хранящийся в фонде комплекс формуляров охватывает большинство дивизий немецко-фашистской армии, воевавших на советско-германском фронте с начала 1942 г. по август 1944 г. Это позволяет сделать вывод о том, что в ЦМВС переданы если не все, то подавляющее большинство формуляров-характеристик морально-психологического состояния войск противника. Что касается формуляров на дивизии войск союзников Германии, то объем доступной информации не позволяет сделать каких-либо выводов.

М. И. Бурцев отмечает, что к концу войны формуляры были заведены на 406 вражеских дивизий¹⁷. Однако в связи с изложенным выше эта цифра представляется завышенной. Возможно, речь идет о количестве формуляров, а не дивизий. Кстати, общее количество формуляров, хранящихся в документальном фонде, и соответствует этой цифре.

Допрос военнопленных велся по вопроснику, разработанному в ГлавПУ. Изданные и разосланные ГлавПУ по фронтам альбомы для ведения формуляров включали в себя этот вопросник. Формуляры состояли из 12 разделов.

1. «Общие сведения: строевой состав соединения, номера и род оружия полков. Место и время формирования. Путь следования и участие в боях». Раздел относится к числу наиболее подробно заполненных. Особенно детальные сведения о численном составе, вооружении частей и подразделениях. Участие в боях описывается обычно с момента нахождения дивизии на фронте. Часто содержатся данные разведотделов.

2. «Командный состав дивизии». На содержание раздела накладывает отпечаток тот факт, что большинство пленных составляли солдаты и унтер-офицеры. О командирах дивизии и полков солдаты имели весьма приблизительное представление. Зато командирам среднего и младшего уровня давалась подробная оценка в отношении боевых и личных качеств. Спецпропагандисты особенно старались фиксировать внимание на непопулярных среди солдат офицерах.

3. «Национальный состав дивизий, полков, рот в процентном отношении». Обычно раздел заполнен весьма лаконично, дается приблизительный процент солдат-немцев.

¹⁷ Бурцев М. И. Указ. соч. С. 88.

4. «Потери и пополнения. Численный состав дивизии, полков, батальонов, рот. Краткие сведения об обеспечении оружием и боеприпасами». Данные приводятся обычно на уровне: рота — батальон. В целом по дивизии — в общих чертах («много» — «мало»). Подробно излагается обеспечение оружием и боеприпасами. Наибольший интерес представляет оценка военнопленными качеств тех или иных образцов оружия. Поскольку формуляры включают в основном протоколы допросов солдат и офицеров пехотных частей, то содержание формуляров позволяет выяснить лишь оценку стрелкового оружия. Показаниям о стрелковом оружии свойственна общая тенденция: отмечается нехватка пистолетов-пулеметов как в начале войны, так и в конце. Как правило, один пистолет-пулемет приходился на отделение или танк, что отрицательно сказывалось на боеспособности. Высокую оценку дают пленные эффективности пулемета МГ-42. В ряде формуляров есть данные разведсводок о количестве в соединениях артиллерии и танков, но сведения эти носят отрывочный характер. О качестве боевой техники суждений очень мало, они позволяют лишь сделать вывод о взглядах некоторых офицеров вермахта на эффективность оружия вермахта по сравнению с советской боевой техникой. Характеристика авиационной техники дана лишь в одном формуляре.

5. «Фронтной быт: питание, обмундирование, санитарные условия, болезни. Бытовые преимущества офицеров». Раздел заполнялся весьма подробно. Показания пленных об обеспечении продовольствием соединений немецко-фашистской армии, как правило, отличаются лишь в некоторых деталях. В основном говорится о нормах снабжения. Много фактов о тяготах фронтной жизни. Но на бытовых преимуществах офицеров солдаты внимания не акцентировали: по-видимому, принимали как должное.

6. «Формы и содержание идеологической обработки солдат». До середины 1943 г. отмечается лишь периодическая деятельность рот пропаганды — иногда старые газеты и кино. Со второй половины говорится о значительном усилении идеологической обработки.

7. «Политические настроения солдат и офицеров: скрытые и явные». Раздел заполнен очень подробно практически во всех формулярах. В годы войны этот материал представлял большую ценность для изучения политических настроений вражеских военнослужащих и более тонкого пропагандистского воздействия на них. Дает картину эволюции политических настроений немецко-фашистской армии на протяжении всей войны. Следует отметить высокую степень откровенности высказываний. В показаниях можно выделить три основных направления: отношение к фашистскому режиму, взгляды на перспективы в войне, оценка дисциплины в отдельных соединениях вермахта.

8. «Отношение к Советскому Союзу, оценка боевой мощи Красной Армии. Мнение о партизанах». Содержится весьма ценный материал с подробной характеристикой тактики и вооружения Красной Армии. Приводится много конкретных примеров. Особенно высоко оценивается моральное состояние и боевой дух советских войск, их стойкость в обороне, физическое здоровье и выносливость солдат. Подчеркивается большая личная храбрость советских офицеров. Вопросы о боевой технике, а также о тактике советских войск доминируют в общей массе суждений о советской боевой мощи. Зафиксированы не только положительные отзывы, но и негативные для выявления и устранения недостатков. С конца 1942 г. отмечается превосходство советского оружия и военной техники как в качественном, так и в количественном отношении. Пленные отмечают большую насыщенность советской пехоты пистолетами-пулеметами, указывают на их простоту в эксплуатации и безотказность в самых сложных климатических условиях. Это, по их мнению, давало советским солдатам большие преимущества в бою. Приводится много фактов о могуществе артиллерии Красной Армии, ее превосходстве над фашистской. Особо отмечается эффективность гвардейских минометов и

дивизионных пушек ЗИС-3. Суждений о вооружении танковых войск и авиации намного меньше. Как наиболее эффективные системы оружия выделяются танк Т-34 и штурмовик Ил-2.

В начальный период войны отмечается недостаточная тактическая выучка советских войск (пехоты, танковых частей, артиллерии), особенно слабое взаимодействие войск. На заключительном этапе пленные говорят о возросшем тактическом мастерстве Красной Армии.

Некоторые формуляры содержат характеристику партизанского движения. Военнопленные дают высокую оценку действиям советских партизан, хотя лишь немногие опрошенные понимают причины и цели партизанского движения. Пленные отмечают, что партизаны держат их армию в постоянном напряжении, что фашисты боятся партизан, репрессируют, но уважают как героев.

9. «Состояние дисциплины». Почти во всех формулярах в 1941—1942 гг. говорится о драках, азартных играх, пьянстве, мародерстве во вражеской армии. С 1943 г. отмечается ослабление дисциплины, выразившееся в засыпании на посту, пререканиях с младшими командирами. В то же время вплоть до осени 1944 г. утверждается, что дисциплина хотя и снизилась, но по-прежнему позволяет поддерживать боеспособность соединений. Приводятся факты открытых (но редких) антивоенных выступлений отдельных солдат.

10. «Отношение к советскому населению и военнопленным». Формуляры содержат большое количество фактов преступлений фашистов по отношению к мирному населению и военнопленным. За редчайшим исключением никто не отрицает массовых грабежей и поджогов. Некоторые пленные признают, что лично участвовали в убийствах мирных граждан.

11. «Советская пропаганда и ее влияние на солдат противника. Озвучивания солдат о листовках, о звукопередачах и плакатах». Раздел пользовался наибольшим вниманием спецпропагандистов, практически во всех формулярах заполнен весьма подробно. Материал дает возможность для глубокого анализа эффективности советской пропаганды среди войск противника в годы войны. Во многих формулярах подшиты образцы листовок, выпущенных для данной дивизии.

12. «Слабые места дивизии и актуальные вопросы пропаганды среди солдат (сжато сформулировать основные направления работы на ближайший месяц)». Обычно указывались лишь один-два вопроса, требующие усиленного внимания. Если в дивизии имелась значительная прослойка солдат-немцев, отмечалась необходимость усиленной пропаганды именно для них.

К формуляру предписывалось прилагать список пленных с указанием звания, имени и фамилии, должности, даты пленения, названия части, обстоятельств пленения, полевой почты. Следовало также периодически составлять итоговые таблицы с указанием общего количества пленных по званиям, национальности, возрасту, партийной принадлежности, социальному статусу. Списки есть в большинстве формуляров. В справках эти данные не указывались.

Необходимо было также подшивать переводы писем, дневников, служебных документов, что часто и делалось. Предписывалось записывать также антифашистские анекдоты, крылатые выражения (это делалось редко).

Формуляры заложили основы эффективной пропагандистской работы. Они служили исходной базой для написания листовок, информационных бюллетеней (для советских войск), справок для советского командования и политорганов.

В годы войны формуляры помогали выяснить истинные взгляды и психологию противника, что было необходимо для эффективной постановки пропагандистской работы и правильного планирования боевых операций. Комплекс формуляров, хранящийся в документальном фонде, представляет историческую ценность и заслуживает внимания ученых.